

Научная статья

УДК 811.161.1'04

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.07

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КОННОТАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО СЛОВА «СМЪРДЪ»

Алексеев Александр Валерьевич

Московский городской педагогический университет,
Московский педагогический государственный университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия,
avalekseev74@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0927-7327>

Аннотация. Актуальность исследования слова *смерд* обусловлена использованием этой номинации, как и другой традиционной общественно-политической лексики, в современных идеологических дискурсах. Цель исследования — рассмотреть диахроническую обусловленность современной коннотации изучаемого слова. В качестве основного в статье используется сравнительно-исторический метод как для формального описания, так и для реконструкции семантических компонентов. При описании символических значений применяются контекстуальный и структурно-семантический методы, позволяющие разграничить означающее и означаемое символа. В статье раскрывается противоречие, существующее между древнерусскими и современными коннотативными свойствами лексемы *смерд*: если в современном языке *смерд* относится к классу пейоративной лексики, то в древнерусских письменных памятниках слово *смерд* выражало номинативное значение, не включавшее в себя эмоциональной оценки. Для исследования данной проблемы привлекается этимология слова *смерд* на праславянском и праиндоевропейском уровнях. Установлено, что основная гипотеза о происхождении слова, представленная в этимологических словарях, связывает существительное *смерд* с глаголом *смърдѣти*. В статье показано, что данная гипотеза является не вполне убедительной, поскольку не учитывает особенностей праславянских словообразовательных моделей. В статье дается обоснование иной гипотезы, определяющей внутреннюю форму слова *смерд* как ‘страдающий человек’. Результатом исследования стала реконструкция культурной значимости общеславянского и древнерусского слова *смърдь* — ‘чужой, неполноценный человек’. На основе этого сделаны следующие выводы: преобразование культурной коннотации в истории слова ведет к формированию на ее основе эмоциональной коннотации; эмоциональная оценка, выражаемая словом *смерд* в современной лингвокультуре, должна изучаться с учетом его этимологического значения.

Ключевые слова: историческая лексикология, древнерусский язык, символическое значение, культурная значимость слова, коннотация.

Для цитирования: Алексеев, А. В. (2024). Происхождение и коннотация древнерусского слова «смърдь». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 95–107. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.07>

Original article

UDC 811.161.1'04

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.07

THE ORIGIN AND CONNOTATION OF THE OLD RUSSIAN WORD *SMERD*

Alexander V. Alekseev

Moscow City University,
Moscow Pedagogical State University,
Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia,

avalekseev74@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0927-7327>

Abstract. The relevance of the study of the word *smerd* is due to the use of this nomination in modern ideological discourses. The study aims at considering the diachronic conditionality of the modern connotation the word under study possesses. The article employs a comparative historical method used for reconstructing these semantic components. There are also contextual and structural-semantic methods applied. The article reveals the contradiction between the Old Russian and modern connotative properties of *smerd*: the modern language sees *smerd* belonging to the group of pejorative vocabulary, while the Old Russian word *smerd* possessed a nominative meaning. The issue to be tackled prompted studying the etymology of the word *smerd* at the Proto-Slavic and Proto-Indo-European levels. It is established that the hypothesis about the origin of the word connects the noun *smerd* with the verb *smerdeti*. The article proves that this hypothesis is not entirely convincing. The article substantiates another hypothesis that defines the inner form of the word *smerd* as a 'suffering person'. The study results in reconstructing the cultural significance of the common Slavic and Old Russian word *smerd* — 'a stranger, an inferior person'. The latter leads to the following conclusions as follows: the transformation of cultural connotation in the history of the word leads to forming an emotional connotation; the emotional assessment expressed by the word *smerd* in modern linguistic culture should be studied taking into account its etymological meaning.

Keywords: historical lexicology, Old Russian language, symbolic meaning, cultural significance of the word, connotation.

For citation: Alekseev, A. V. (2024). The origin and connotation of the Old Russian word *smerd*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 95–107. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.07>

Введение

Оценочные характеристики слова *смьрдъ* (*смерд*), его культурная значимость и образный потенциал в значительной степени связаны с его происхождением. От решения вопроса об этимологии слова, о его внутренней форме зависит понимание диахронического аспекта коннотации слова *смерд*. В русском языке Нового времени это существительное уже с XVIII века воспринималось как устаревшее: академический словарь

дает соответствующую помету и предлагает пример употребления из древнерусского источника: «Подлой, въ черной работѣ обращающійся; къ черни принадлежащій. Пригородокъ нашъ и наши смерди въ немъ живутъ. Ник. Лѣтоп.» (Словарь, 1794, с. 587). Приведенное толкование содержит оценочные признаки ‘низкий’, ‘черный’, которые, однако, в контексте летописи являлись элементами культурной значимости слова (культурной коннотации), но не составляли эмоционально-оценочной коннотации. При ссылке на древнерусский контекст слово и в XVIII веке осознавалось еще как отчетливый социальный термин. Обозначаемый социальный статус воспринимался как культурный феномен, выполнявший знаковую функцию и выражавший культурную оценку. Соответственно, слово становилось культурным символом и средством дальнейшей трансляции данной оценки.

Позднее номинативный и коннотативный аспекты семантики слова *смерд* дифференцировались и в современном языке реализуются в виде двух самостоятельных лексических значений — прямого и переносного (символического). Оба эти значения представлены в актуальных контекстах, в том числе в примерах XXI века: «Закабаленные феодалами крестьяне-смерды из южных земель бежали от притеснений на север и восток. В. Г. Глушкова. Костромская земля (2015)» (НКРЯ, 2023); «Искусство объявлено закрытым клубом “для своих” — критиков, кураторов, советников арт-фондов, избранных олигархов и статусных чиновников. В чем “гениальное” открытие постмодернизма: всяк, кто не в клубе, — смерд. И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)» (НКРЯ, 2023). Вторичное значение слова *смерд*, реализуемое во втором из приведенных контекстов (а также и в многочисленных примерах XIX–XX веков), вероятно, следует называть именно символическим, но не переносным.

Методология исследования

Лексическое значение символического типа характеризуется двойной референцией, удвоением означаемого, при этом непосредственное предметное означаемое слова *смерд* (сословие) становится означаемым для вторичного означаемого (для культурной оценки): *смерд* ‘обычный человек — не способный чувствовать, понимать (искусство, науки и т. п.)’. Однако указанная культурная оценка является неопределенной, подвижной, неоднозначно толкуемой: ‘презираемый’ (Ушаков, 1940, с. 296) — ‘необразованный’ (Словарь, 1962, с. 1347) — ‘презираемый, незнатный’ (Словарь, 1988, с. 151) — ‘несвободный’ (Кузнецов, 2000, с. 1216) — ‘ничтожный, имеющий низкое происхождение’ (Большой, 2019, с. 331); поэтому для своей репрезентации такая оценка требует известного, воспроизводимого образа: ‘крестьянин-земледелец; простой человек, (преимущественно) занимающийся физическим трудом’. Для более точной характеристики культурной оценки *смерда* и для подтверждения символического статуса вторичного значения необходим дополнительный диахронический анализ.

Лексикографическим признаком символического значения служит непоследовательность его словарной фиксации, а в случае фиксации — обязательное указание на вторичный, неосновной характер такого значения: подробнее о критериях выделения символического значения см.: Алексеев, 2022, т. 1, с. 179–193. Символическое значение является диахронической категорией, поскольку отражает реализацию коннотации и прагматики в определенных контекстах и их дальнейшее закрепление в семантической структуре слова. Исследование таких процессов особенно актуально в последние годы: «semantic changes are enabled by the conventionalization of the contextualized lexical meaning which is motivated by the combined action of multiple types of pragmatic mechanisms»¹ (Li, 2024, с. 55). Специальные работы посвящены исследованию семантических изменений в контексте (Cimmino, Vallauri, Baranzini, 2023) и факторам диахронической прагматики (Reber, Jucker, 2023). Можно утверждать, что символическое значение слова — один из основных механизмов для перевода коннотативных и прагматических компонентов смысла в область узуальных лексических значений.

Толкование слова *смерд* в словарях современного русского языка почти всегда содержит указание на два значения, причем в качестве основного указано первичное, сословное значение. Коннотативное значение может толковаться как историзм, реализуемый только в древнерусской системе отношений: «1. В древней Руси — крестьянин-земледелец. || Впоследствии — презрит. обозначение крепостного крестьянина (в устах помещика, представителя власти). 2. Простолюдин, незнатный человек, *в противоп.* князю, дружиннику» (Ушаков, 1940, с. 296). Иногда вторичное коннотативное значение вовсе не фиксируется: «В древней Руси: крестьянин-земледелец» (Ожегов, 1975, с. 675). Таким образом, нельзя говорить о сформированности переносного значения слова *смерд*: культурная и эмоционально-оценочные коннотации реализуются в структуре символического значения, с опорой на предметный образ. Данное символическое значение носит, видимо, узуальный характер, определяя слово *смерд* как традиционный культурный символ: ср. фиксацию указанного значения в новейшем академическом словаре, причем без указания на устарелый характер: «*Уничиж.* О человеке низкого происхождения» (Большой, 2019, с. 331).

Результаты и дискуссия

Вопрос о происхождении символики *смерда* должен решаться путем рассмотрения этимологии данного слова. М. Фасмер отмечает общеславянский характер социального термина *смырдъ* и наличие соответствующих когнатов не только в древнерусском и старославянском, но и в польском и полабском

¹ «Семантические изменения становятся возможными благодаря конвенционализации контекстуального лексического значения, которое мотивируется совместным действием многих прагматических механизмов» (перевод мой. — А. А.).

языках — в указанных западнославянских языках реализуются значения ‘крестьянин, крестьянство’ (Фасмер, 1987, с. 684). Праславянская форма **smьrdь* признается восходящей к глаголу **smьrděti*, внутренняя форма которого определяется как ‘делаться вонючим, быть похожим на кал, нечистоты’. Такая ярко выраженная оценочная мотивированность не могла не быть источником культурной и эмоциональной коннотации в общеславянском языке. Однако древнерусские источники свидетельствуют о скорее нейтральном характере слова *смьрдь*, которое до XIV–XV веков было не оскорблением, а юридически определенным сословным термином (Алексеев, 2023, с. 2). Обнаруженное противоречие заставляет искать иные этимологические решения для общеславянской номинации **smьrdь*.

Помимо отсутствия эмоциональной оценки у древнерусского существительного *смьрдь*, малая вероятность его производности по отношению к глаголу *смьрдѣти* объясняется также тем, что «сам глагол *смердеть* вторичен по образованию» (Колесов, 2014, с. 131). Общеславянские глаголы с суффиксом **ē* (→ѣ) образовывались «для выражения состояния» (Мейе, 2011, с. 196), т. е. они регулярно являлись вторичными формами, образованными от именных основ, ср.: *бѣлѣти* от *бѣль* (Трубачев, 1975, с. 64), *горѣти*, обладающее именным вокализмом корня и соотносимое с лит. *gāras* (ср.: *жар, горе*) (Трубачев, 1980, с. 42), *дуреть* от *дура* (Трубачев, 1978, с. 161). Следовательно, в паре слов *смьрдѣти* – *смьрдь* в случае их родства словообразовательная мотивированность должна быть обратной: глагол должен быть образован от существительного и обозначать состояние *смьрда* (‘быть похожим, действовать подобно смерду’). Такая семантика, однако, не подтверждается известными употреблениями глагола *смьрдѣти*.

Видимо, глагол **smьrděti* образован от древней индоевропейской основы **smrd* // **smord*: в русском языке ступень чередования с гласным сохранилась в словах *сморд*, *смородина*. Слова с этим корнем со значением ‘резкий, неприятный запах’ широко представлены в балтийских языках, что свидетельствует о появлении глагола **smьrděti* в балтославянский период. В других индоевропейских языках — германских, греческом, латинском — соответствующие когнаты выражают семантические признаки ‘боль’, ‘страдание’, ‘жалить’. Таким образом, древнейшее значение индоевропейского корня — ‘резкое, болезненное воздействие → резкий запах’. Глагол **smьrděti* образован от исходного корня **smord* путем праиндоевропейского количественного чередования, и возникшая форма с нулевой ступенью чередования закономерна для балтославянского языка, а следовательно, древняя и регулярная. На этом фоне отсутствие в балтийских языках собственно сословного значения данного корня выступает еще одним аргументом в пользу того, что славянское *смьрдь* ‘земледелец’ образовалось независимо от пейоративной глагольной основы и не имеет непосредственной словообразовательной связи с глаголом *смьрдѣти*.

Но этимологическое решение для слова *смьрдь* осложняется тем, что, отвергнув связь со *смьрдѣти*, мы не обнаруживаем в славянском лексиконе надежных соответствий. Популярной версией происхождения наименования

смьрдъ является его заимствование или, по крайней мере, родство с иранским словом *merd* ‘мужчина’, что удачно согласуется с гипотезами о выделении славян из состава балтославянской общности в результате взаимодействия с иранскими (скифскими и сарматскими) кочевыми племенами на границе леса и степи (Хабургаев, 1980, с. 51). Однако собственно лингвистическими, этимологическими аргументами это предположение не подтверждается (Фасмер, 1987, с. 685; Miklosich, 1886, с. 310). В. В. Колесов, опираясь на мнение А. С. Львова, восходящее к гипотезе Г. А. Ильинского, выдвинул предположение, что древнерусское название свободного земледельца, *смьрда*, образовано от праславянского «корня с первичным значением ‘дробить, вертеть, двигать’» (Колесов, 2014, с. 132). А. С. Львов подтверждает независимое происхождение сословного наименования *смьрдъ*, с одной стороны, и различных именных и глагольных форм со значением ‘дурной запах’, с другой стороны: «отсутствуют данные, подкрепляющие, что общеслав. **smrdь* ‘земледелец’ было бы отглагольным именем от *smrděti* ‘вонять’» (Львов, 1975, с. 242). Опираясь на мнение А. С. Львова и Г. А. Ильинского, В. В. Колесов предполагал, что название земледельца мотивировано его основной деятельностью: это человек, который дробит, двигает землю.

Между тем Г. А. Ильинский (также отвергавший словообразовательную связь лексем *смьрдъ* и *смьрдьти*) соотносил занятие *смьрда* (не вполне свободного крестьянина) с понятием тяжелого крестьянского труда, которое обозначается в современном языке словом *страда*. Последовательность слов *страдать* – *страда* – *страдный* – *страдник*, видимо, представляет собой достаточно точную типологическую параллель к праславянской этимологии слова **smrdь*, однако эта параллель, в которой сельские работы сопоставляются со страданием, с тяжелым трудом, развивалась в дальнейшей истории языка, уже в древнерусский период. У глагола *страдати* в древнерусском языке зафиксированы значения ‘выполнять тяжелую работу’ (XI век), ‘обрабатывать, пахать землю’ (XIII век), ‘стараться, заботиться о ком-либо’ (XIII век), ‘испытывать страдания, мучиться’ (XI век), ‘болеть’ (XII век), ‘бедствовать’ (XI век) (Крысько, 2008, с. 119). Таким образом, уже в семантической структуре глагола *страдати*, видимо, оформилось символическое значение, передающее указание на культурную ценность земледельческого труда через образ физического страдания. Это значение было эксплицировано существительным *страдъникъ*, которое, в свою очередь, выражало соотносимые значения «подвижник» (XII век) и «холоп, занятый на тяжелых сельскохозяйственных работах» (XV век) (Крысько, 2008, с. 120). Можно предположить, что аналогичным образом происходило и развитие семантики общеславянского слова **smrdь*.

Применение семантической типологии позволило Г. А. Ильинскому выявить максимально вероятные этимологические связи праславянского корня **smrd-* ‘страдалец → страдник, земледелец’: «двн. *směrzan* “болеть, причинять боль”, нвн. *schmerzen*, англ. *smart* “острый, горький”; от этих слов обыкновено

не отделяют лат. *mordere* и гр. *σμερδνός* «страшный, ужасный» (Ильинский, 1932, с. 20). В качестве исходного значения праиндоевропейского корня Г. А. Ильинский указывает ‘резать, колоть, мучить’ — и это принципиально отличается от той формулировки, которую предлагает В. В. Колесов. Глагольный этимон, реконструируемый В. В. Колесовым, предполагает действие, переходящее на неодушевленный объект, отсюда ‘дробить, переворачивать → обрабатывать землю’. В трактовке Г. Ильинского праиндоевропейский этимон выражал действие, направленное на одушевленный объект: ‘резать → причинять страдание’. С учетом значения когнатов точка зрения Г. А. Ильинского представляется более обоснованной, поэтому следует признать, что мотивирующее значение (внутренняя форма) общеславянского слова **smьrdь* — ‘тот, кто страдает’.

Характерно, что те же германские когнаты, что указаны Г. А. Ильинским, приводятся этимологами для сопоставления с глаголом *смьрдѣти* (Черных, 1993, с. 79), тем самым реконструируется семантический переход *смьрдѣти* ‘распространять резкий запах’ ← ‘причинять резкую боль’. Следовательно, формы *смьрдь* и *смьрдѣти* все же обладают родством, но не на праславянском, а на более глубоком, праиндоевропейском, уровне. Семантическая филиация праиндоевропейского и праславянского корня была не последовательной, а параллельной: вместо преобразования ‘резкая боль, страдания → резкий запах → неприятный запах → тот, кто воняет → земледелец’ следует признать преобразования ‘резкая боль, страдания → резкий запах → неприятный запах’ и ‘резкая боль, страдания → тот, кто страдает → земледелец’.

Предложенная этимология подтверждается фактами письменного периода: употребление слова *смьрдь* (*смрьдь*) в старославянском языке свидетельствует о существовании в общеславянском лексиконе этимологического символического значения *смьрдь* ‘тот, кто страдает — человек низкого сословия (простой земледелец)’. Символическое значение такого типа образуется совмещением внутренней формы (этимологического значения, значения этимона) и актуального прямого значения слова (Алексеев, 2022, т. 1, с. 226). Подобное совмещение можно наблюдать в тексте Супрасльской рукописи: «О вьськомъ бо крьстиянѣ, казнь цѣсарьска лежить, любо оубогъ ѣсть любо богатъ, любо сановить любо смрьдь, то ни того поштадить сждѣ» (Цейтлин, 1994, с. 671). В «Старославянском словаре» дается следующее толкование реализованному в приведенном контексте значению: «простой, низкий (по происхождению)» (Там же). Такая семема представляет собой непосредственное означаемое слова и одновременно означающее символического значения, его предметно-понятийную основу. Для определения символического означаемого, т. е. обобщенной культурной оценки, скрытой во внутренней форме слова, необходимо обратиться к переведенному греческому выражению, также указанному в «Старославянском словаре»: τῆς οἰχτρᾶς τύχης. Буквально это означает ‘(человек) несчастливой судьбы’: τύχη ‘судьба, участь’ (Дворецкий, 1958, с. 1657); οἰχτρὸς ‘достойный сожаления, внушающий сострадание; жалостный, жалобный,

горестный' (Дворецкий, 1958, с. 1158). Таким образом, при переводе греческого текста Супрасльской минеи для замены номинации τῆς οἰκτρῆς τύχης было использовано славянское существительное с максимально близкой внутренней формой — *смьрдъ* 'тот, кто страдает'.

Итак, в общеславянском языке слово *смьрдъ* приобрело номинативное значение 'земледелец', но сохраняло культурную коннотацию (культурную значимость), определяемую внутренней формой, — 'страдающий человек'. Отличие культурной коннотации от эмоциональной состоит в том, что признаки культурной коннотации носят имплицитный характер и не всегда реализуются в контексте. Эмоциональная коннотация имеет обязательный характер и используется говорящим для выражения своего отношения к объекту высказывания. Культурная коннотация (культурная значимость) эксплицируется символическими значениями слова (Алексеев, 2022, т. 1, с. 89–103) и отражает обобщенную оценку языкового коллектива, определяемую всей культурной ситуацией той или иной эпохи. При семантическом развитии слова культурная коннотация может становиться источником эмоциональной коннотации.

Г. А. Ильинский в цитируемой выше работе высказал предположение, что первоначальное значение слова *смьрдъ* было более широким (т. е. синкретичным, что соответствует той стадии развития лексического концепта, когда первоначальный признак внутренней формы распространяется на значительное, не вполне определенное число объектов). Слово *смьрдъ* могло указывать на всякого страдающего человека, в частности им обозначались «пленники, которых славяне брали в таком большом числе во время своих набегов на соседние земли» (Ильинский, 1932, с. 22). При таком понимании объема понятия праславянской лексемы *смьрдъ* нельзя исключать развития ассоциативных связей с созвучными словами, т. е. паронимической аттракции. В результате такого процесса происходило семантическое взаимодействие слова *смьрдъ* не только с исконно родственными формами типа *смьрдѣти*, *смрадѣ*, *смородѣ*, но и при межэтнических контактах и с различными иранскими по происхождению обозначениями человека: см. выше, а также др.-перс. *martiya-* (Фасмер, 1987, с. 84), которые, как уже указано ранее, не могут быть признаны родственными славянскому слову. Однако при паронимической аттракции даже при случайном созвучии при определенных лингвокультурных условиях слова могли обмениваться коннотациями и номинативными признаками.

Заключение

Сопоставление всех источников культурной коннотации слова *смьрдъ* позволяет реконструировать его праславянскую культурную значимость следующим образом: 'несчастный, обделенный; пленник; чужак, не вполне настоящий человек (дурно пахнущий)'. Такое восприятие *смьрда* как чужого

и неполноценного было, видимо, вполне естественным в рамках антропологических представлений языческой культуры: истинным человеком признается только «свой», принадлежащий к тому же роду, к тому же этносу. Такая логика подтверждается примерами этнонимов, которые являются самоназваниями: автоэтнонимы (эндоэтнонимы) обычно мотивируются признаками ‘человек’, ‘люди’, ‘свой’, ‘народ’ (Ярцева, 2000, с. 598). Славянский эндоэтноним образован по такой же модели: *славяне (словѣне)* — ‘те, кто владеет словом; кто умеет говорить, обладает членораздельной речью; т. е. полноценные люди’. С развитием у славян классовых отношений название *смьрдъ* и, возможно, его культурные коннотации были перенесены на низший, зависимый, эксплуатируемый класс (рядовых земледельцев).

Однако с принятием христианства прежнее языческое мировоззрение, предполагающее онтологическое неравенство различных по происхождению групп людей, не могло сохраниться. Древнейшая культурная значимость слова *смьрдъ* вступила в противоречие с его новым культурным контекстом. Например, в Поучении Владимира Мономаха указывается особая добродетель князя-христианина — милостивое отношение к смердам (Алексеев, 2023, с. 62). Такая культурная оценка связана с переосмыслением образа страдания в христианском обществе: страдание перестает быть признаком изгоя и становится свойством человека, приближенного к Богу. Характерно, что более позднее существительное *страдникъ*, которое также выражало образ страдания, что было отмечено ранее, содержит уже исключительно христианскую культурную значимость, о чем свидетельствует развитие двух значений (см. выше), совмещение которых позволяло выразить потенциальное символическое значение: *страдникъ* ‘земледелец, выполняющий тяжелую работу — подобный христианскому подвижнику’. Языческая культурная значимость социального термина *смьрдъ* определила его постепенное устаревание. Однако этот процесс был чрезвычайно длительным по времени: замена слова *смердъ* словами *крестьянинъ* и *мужикъ* произошла только в старорусский период. Сохранение старого термина в древнерусский период должно свидетельствовать о постепенном, не резком преобразовании культурных ценностей от языческих к христианским.

Слово *крѣстианинъ (христианинъ, хръстианинъ)* в древнерусском языке выражало значения ‘исповедующий христианство’ и ‘православный, житель Русской земли’. Выделение самостоятельного сословного значения произошло в XV веке: «И яз пожаловал старосту Городецьког(о) и всѣ(хъ) хръстьянь, велѣлъ есми имъ тѣ пожни... выкупити. Жал. льгот. гр. Кирилл.-Бѣлоз. мон. 1448–1468 г.» (Срезневский, 1912, с. 1404). «Се язъ, княз(ь) Феод(о)ръ Федорович пожаловал есми игумена з брат(ь)ею Толсково деревнею Куколцинымъ, и с лѣсом, и с пожнями... и кто в ней имет жити кр(е)стиян... АСВР III, 238, ок. 1430–40 гг.» (Филин, 1981, с. 49). Наряду с заменой *смердъ* → *крестьянинъ* в письменности XV века отразилась и другая замена сословного наименования: *смердъ* → *мужикъ* (в Московской повести о походе Ивана III Васильевича

на Новгород) (Алексеев, 2022, с. 140). Появление новых номинаций земледельца позволило точнее отражать христианскую картину мира, в которой не только утверждалось онтологическое равенство сословий, но и выделялись сельские работники как эталонные представители народа. Такая культурная значимость выражалась специальными символическими значениями: *мужик* ‘земледелец — маленький, незначительный «муж» (т. е. свободный человек)’; *крестьянинъ* ‘земледелец — православный, житель Руси’.

Замена слова *смьрдъ* новыми номинациями привела в старорусском языке к дивергенции его древнейшего символического значения. В номинативном употреблении, в качестве сословного термина, слово превратилось в историзм. В то же время имплицитные признаки культурной значимости (культурной коннотации) слова *смьрд* были преобразованы в мотивирующие и дифференциальные признаки вторичного значения, в результате чего в современном русском языке сформировалось переносное коннотативное значение (сохраняющее признаки символического): *смьрд* ‘грубый, необразованный, недостойный человек (неполноценный человек)’. Эмоционально-оценочное коннотативное употребление слова *смьрдъ* исторический словарь отмечает уже в текстах XV века. Однако выделение данной семемы как самостоятельного значения происходило постепенно и завершилось только в современном языке: впервые разграничение двух значений, сословного и эмоционально-оценочного, представлено в словаре Д. Н. Ушакова (см. выше). Современная эмоциональная оценочность слова *смьрд* опирается на ключевой признак культурной значимости, который достаточно точно определяется диахроническим описанием: *смьрд* ‘человек низкого социального статуса — неполноценный’. Функционирование указанного символического значения в современном языке может стать предметом специального дополнительного исследования.

Список источников

1. *Словарь Академии Российской*. (1794). Ч. 5. Императорская Академия наук.
2. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. (2023). (2024, 14 апреля). <https://ruscorpora.ru/new/>
3. *Толковый словарь русского языка*. (1940). Д. Н. Ушаков (Ред.). Т. 4. Государственный научный институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ, Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
4. *Словарь современного русского литературного языка*. (1962). Т. 13. Издательство Академии наук СССР.
5. *Словарь русского языка*. (1988). Т. 4. Русский язык.
6. *Большой толковый словарь русского языка*. (2000). С. А. Кузнецов (Ред.). Норинт.
7. *Большой академический словарь русского языка*. (2019). Т. 26. Наука. (2024, 14 апреля). <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/2629>.
8. Алексеев, А. В. (2022). *Культурная значимость слова как предмет русской исторической лексикологии* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва].
9. Li, X. (2024). Lexical meaning contextualization and semantic changes: The case of the Mandarin Chinese discourse marker *dangran*. *Journal of Pragmatics*, 221, 54–75.

10. Cimmino, D., Vallauri, E. L., & Baranzini, L. (2023). The dynamic contribution of implicit meaning to the context: Variability in real usage. *Journal of Pragmatics*, 217, 1–6.
11. Reber, E., & Jucker, A. H. (2023). Diachronic pragmatics: New perspectives on recent developments of spoken English. *Journal of Pragmatics*, 216, 67–74.
12. Ожегов, С. И. (1975). *Словарь русского языка*. Русский язык.
13. Фасмер, М. (1987). *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. Прогресс.
14. Алексеев, А. В. (2023). Номинация и коннотация в истории слова смерд. В М. Вас. Пименова (Ред.). *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект* (с. 61–62). Транзит-ИКС.
15. Колесов, В. В. (2014). *Древнерусская цивилизация. Наследие в слове*. Институт русской цивилизации.
16. Мейе, А. (2011). *Общеславянский язык*. Либроком.
17. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*. (1975). О. Н. Трубачев (Ред.). Вып. 2. Наука.
18. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*. (1980). О. Н. Трубачев (Ред.). Вып. 7. Наука.
19. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*. (1978). О. Н. Трубачев (Ред.). Вып. 5. Наука.
20. Хабургаев, Г. А. (1980). *Становление русского языка*. Высшая школа.
21. Miklosich, F. von. (1886). *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. W. Braumüller.
22. Львов, А. С. (1975). *Лексика «Повести временных лет»*. Наука.
23. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (2008). В. Б. Крысько (Ред.). Вып. 28. Наука.
24. Ильинский, Г. (1932). К вопросу о смердах. *Slavia Occidentalis*, 11, 18–22.
25. Черных, П. Я. (1993). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 2. Русский язык.
26. *Старославянский словарь*. (1994). Р. М. Цейтлин (Ред.). Русский язык.
27. Дворецкий, И. Х. (1958). *Древнегреческо-русский словарь*. ГИС.
28. *Языкознание: Большой энциклопедический словарь*. (2000). В. Н. Ярцева (Ред.). Большая Российская энциклопедия.
29. Срезневский, И. И. (1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 3. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.
30. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (1981). Ф. П. Филин (Ред.). Вып. 8. Наука.
31. Алексеев, А. В. (2022). От мужа к мужику: трансформация сословного наименования. В С. А. Васильев (Ред.). *Русистика и компаративистика* (с. 131–144). Книгодел.

References

1. *Dictionary of the Russian Academy of Sciences*. (1794). Part 5. Imperatorskaya Akademiya nauk. (In Russ.).
2. *RNC: Russian national corpus*. (2023). (2024, April 14). (In Russ.). <https://ruscorpora.ru/new/>
3. *Explanatory dictionary of the Russian language*. (1940). D. N. Ushakov (Ed.). Vol. 4. Gosudarstvennyj nauchnyj institut «Sovetskaya enciklopediya», OGIz, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. (In Russ.).

4. *Dictionary of the modern Russian literary language*. (1962). Vol. 13. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
5. *Dictionary of the Russian language*. (1988). Vol. 4. Russkij yazyk. (In Russ.).
6. *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (2000). S. A. Kuznetsov (Ed.). Norint. (In Russ.).
7. *A large academic dictionary of the Russian language*. (2019). Vol. 26. Nauka. (2024, April 14). (In Russ.). <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/2629>
8. Alekseev, A. V. (2022). *The cultural significance of the word as a subject of Russian historical lexicology* [Dissertation for D. Sc. (Philology): 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
9. Li, X. (2024). Lexical meaning contextualization and semantic changes: The case of the Mandarin Chinese discourse marker dangran. *Journal of Pragmatics*, 221, 54–75.
10. Cimmino, D., Vallauri, E. L., & Baranzini, L. (2023). The dynamic contribution of implicit meaning to the context: Variability in real usage. *Journal of Pragmatics*, 217, 1–6.
11. Reber, E., & Jucker, A. H. (2023). Diachronic pragmatics: New perspectives on recent developments of spoken English. *Journal of Pragmatics*, 216, 67–74.
12. Ozhegov, S. I. (1975). *Dictionary of the Russian language*. Russkij yazyk. (In Russ.).
13. Fasmer, M. (1987). *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 3. Progress. (In Russ.).
14. Alekseev, A. V. (2023). Nomination and connotation in the history of the word *smerd*. In M. Vas. Pimenova (Ed.). *Language categories and units: a syntagmatic aspect* (pp. 61–62). Transit-X. (In Russ.).
15. Kolesov, V. V. (2014). *The ancient Russian civilization. The legacy is in the word*. Institut russkoj civilizacii. (In Russ.).
16. Meyer, A. (2011). *The common Slavic language*. Librocom. (In Russ.).
17. *Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund*. (1975). O. N. Trubachev (Ed.). Issue 2. Nauka. (In Russ.).
18. *Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund*. (1980). O. N. Trubachev (Ed.). Issue 7. Nauka. (In Russ.).
19. *Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund*. (1978). O. N. Trubachev (Ed.). Issue 5. Nauka. (In Russ.).
20. Khaburgaev, G. A. (1980). *The formation of the Russian language*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
21. Miklosich, F. von. (1886). *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. W. Braumüller.
22. Lvov, A. S. (1975). *The vocabulary of the «Tale of bygone years»*. Nauka. (In Russ.).
23. *Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries*. (2008). V. B. Krysko (Ed.). Issue 28–24. Nauka. (In Russ.).
24. Ilyinsky, G. (1932). To the question of *smerds*. *Slavia Occidentalis*, 11, 18–22. (In Russ.).
25. Chernykh, P. Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language*. Vol. 2. Russkij yazyk. (In Russ.).
26. *Old Slavonic dictionary*. (1994). R. M. Zeitlin (Ed.). Russkij yazyk. (In Russ.).
27. Dvoretzky, I. H. (1958). *Ancient Greek-Russian dictionary*. GIS. (In Russ.).
28. *Linguistics: A large encyclopedic dictionary*. (2000). V. N. Yartseva (Ed.). Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. (In Russ.).
29. Sreznevsky, I. I. (1912). *Materials for the dictionary of the ancient Russian language on written monuments*. Vol. 3. Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. (In Russ.).

30. *Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries*. (1981). F. P. Filin (Ed.). Issue 8. Nauka. (In Russ.).
31. Alekseev, A. V. (2022). From husband to man: the transformation of the class name. In S. A. Vasiliev (Ed.). *Russian studies and comparative studies* (pp. 131–144). Knigodel. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Валерьевич Алексеев — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ, профессор кафедры общего языкознания имени И. Г. Добродомова Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Alexander V. Alekseev — D. Sc. (Philology), Docent, Professor of the Department of Philology at the Institute of Humanities of Moscow City University, Professor of the Department of General Linguistics named after I. G. Dobrodomov at Moscow Pedagogical State University, Professor of the Department of Slavic Philology at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.